

Му Чэнъань мгновенно почувствовал, что в его кабинет кто-то проник. Он удивился, почему никто из стражи не подал знака, но стоило ему заговорить, как он стремительно вышел из-за стола — этот аромат и аура были ему слишком знакомы.

Действительно, перед ним стоял гость. Юаньцзин лукаво улыбался, чуть склонив голову набок. Му Чэнъань не смог сдержать нежной улыбки и, подойдя ближе, протянул ему руку:

— И как тебе моя обитель? Всё ли пришлось по нраву?

Он сразу вспомнил слова юноши о том времени, когда тот только начал изучать искусство управления внутренней энергией. Князь и не чаял, что этот день настанет так скоро, и этот визит стал для него чудесным подарком.

Юаньцзин, совершивший столь дерзкий поступок, теперь внезапно изобразил чинную сдержанность:

— Ваша резиденция слишком велика. Если бы не тайные стражи, указавшие путь, я бы наверняка заблудился и никогда не нашел этот кабинет.

С этими словами он вложил свою ладонь в руку Му Чэнъаня. Тот немедленно сжал её, словно боялся выпустить сокровище. Князь тихо рассмеялся:

— Что же, тогда я велю принести тебе план поместья. Будет удобнее навещать меня по ночам, не так ли? Пойдем, я покажу тебе свою святая святых.

Юаньцзин отбросил напускную скромность и кивнул:

— Идем.

Когда они, держась за руки, скрылись за дверями, тайные стражи в своих укрытиях обменялись ошеломленными взглядами. Столько нежности и тепла в их суровом господине они не видели никогда.

В кабинете Му Чэнъань вернулся к прерванным делам. Будучи принцем-регентом, он фактически исполнял обязанности императора. Юаньцзин с почтением взглянул на стопки бумаг:

— Огромный труд. Воистину, тебе приходится нелегко.

Сам он был готов посвятить жизнь научным изысканиям, но в государственных делах всё еще чувствовал себя учеником.

— В таком случае, помоги мне разобраться с этими докладами, — предложил Му Чэнъань.

Юаньцзин не стал отказываться — в этой жизни любой навык мог оказаться полезным.

Му Чэнъань и впрямь нашел карту резиденции. Она оказалась в несколько раз больше дома семьи Тао. Юноша быстро запомнил расположение кабинета и главных покоев — остальное его мало заботило. Затем князь указал на соседнюю усадьбу:

— Ты ведь бывал там. Теперь эта земля тоже принадлежит мне. Но я бы очень хотел, чтобы однажды на воротах этого дома появилась табличка с именем семьи Тао. Что скажешь?

Юаньцзин вспомнил ту самую усадьбу, где они виделись по возвращении из провинции. Так вот в чем был замысел князя!

— Это было бы чудесно, — улыбнулся он. — Если моя семья переедет сюда, нам будет гораздо проще видеться. И мне не придется больше штурмовать стены по ночам.

Му Чэнъань притянул его к себе и обнял:

— Знай, что я рад тебе в любое время и в любом месте.

Впрочем, про себя он добавил, что был бы еще счастливее, если бы Юаньцзин сразу оказывался в его постели.

Юаньцзин легонько ткнул его локтем в бок. Рассматривая план соседней усадьбы, он отметил, что она просторна — целых пять дворов.

— Давай подождем пару лет. Тогда я смогу сказать родным, что выкупил этот дом, и мы переедем.

Вспомнив о семье, юноша вдруг посерьезнел. Он высвободился из объятий и, уперев руки в бока, вскинул подбородок:

— Кстати, я пришел по делу. Те восемь слов, что изрек Великий мастер Хуэйинэн... Не твоих ли это рук дело?

Му Чэнъань негромко рассмеялся. Он-то думал, что Юаньцзин придет требовать ответа в ту же ночь или на следующее утро. Видимо, юноше потребовалось время, чтобы убедиться, что его

семья приняла предсказание.

— Разве мой план плох? Или ты передумал связывать свою жизнь со мной? — Му Чэнъань поймал руку юноши и легонько, почти невесомо прикусил его палец.

— Хм! — Юаньцзин фыркнул. — Мог бы сказать, что это у тебя «женская доля», а у меня — мужская! Это вопрос достоинства, в конце концов!

Князь рассмеялся в голос:

— Что же, может, проверим прямо сейчас, кому какая доля уготована?

Он многозначительно покосился на ширму, за которой стояла кровать. Му Чэнъань был уверен: практика куда убедительнее любых слов, и он был более чем готов доказать своему визави, кто в их союзе будет главой.

Юаньцзин мгновенно понял намек и вспыхнул до корней волос.

— Я еще слишком молод, — выпалил он, идя на попятную. — Я всё еще расту!

Как лекарь, он прекрасно знал, что ранняя близость не идет на пользу организму, да и сопутствующие «трудности» его пока пугали.

Му Чэнъань действительно едва сдерживал порыв — когда такая красота сама идет в руки, сложно оставаться бесстрастным. Однако, услышав оправдание юноши, он лишь досадливо вздохнул и на этот раз ощутимо прикусил палец Юаньцзина, оставив на нем след от зубов.

— Эх, ты... — прошептал князь, не желая по-настоящему принуждать его. — И не боишься ведь, что я сорвусь и не оставлю от тебя и следа? Любишь же ты испытывать моё терпение.

Он подхватил Юаньцзина на руки, перевернул и в шутку шлепнул по мягкому месту. Ощувив упругость, он не удержался и слегка сжал ладонь.

Юаньцзин даже не успел сообразить, что происходит, а когда понял — покраснел еще гуще и принялся отчаянно вырываться. Но это лишь распалило князя, и юноша, почувствовав перемену в его ауре, мгновенно затих.

Му Чэнъань лишь покачал головой — сам ведь навлек на себя это испытание. Он ласково взъерошил волосы Юаньцзина и отпустил его, не желая доставлять ему неудобств.

Они выпили остывшего чая, чтобы унять волнение. Больше Му Чэнъань не поддразнивал его.

Раз уж Юаньцзин пришел, князь занял его делом: они вместе просматривали доклады, и Му Чэнъань попутно давал пояснения по государственным вопросам. Они проговорили до глубокой ночи, обсуждая устройство империи и чиновничий аппарат, пока наконец принц-регент не проводил гостя домой.

Му Чэнъань едва заставил себя расстаться с Юаньцзином. И дело было не только в чувствах — сегодня он осознал, какое сокровище ему досталось. Многие суждения юноши были настолько глубокими и прозорливыми, что превосходили советы опытных сановников. Династии Великой Ся несказанно повезло, что у неё появился такой помощник.

Юаньцзин же не считал себя гением. Он понимал, что его преимущество лишь в памяти о трех прошлых жизнях и знаниях будущего. Если бы Му Чэнъань помнил всё, через что они прошли, он справился бы гораздо лучше.

Юноша надеялся, что за те годы, что Му Чэнъань будет у власти, страна расцветет. Он хотел, чтобы имя регента вызывало у потомков лишь восхищение, а народ жил в достатке. С этими мыслями он решил, что его следующим шагом станет усовершенствование сельскохозяйственных орудий. Если облегчить труд крестьян и повысить урожайность, жизнь простых людей станет намного легче.

Юаньцзин с головой ушел в работу. Он собрал лучших мастеров и вместе с ними создал чертежи новых инструментов, которые тут же отправили на испытания в императорские поместья. Тем временем Му Чэнъань, последовав совету юноши, снарядил две экспедиции: одну — в южные земли за скороспелым рисом, другую — в далекие заморские страны за новыми культурами, особенно высокоурожайными.

Казна после правления прошлого императора была пуста, а реформы требовали огромных вложений. Му Чэнъань как-то вскользь упомянул об этом, и Юаньцзин тут же предложил решение: зачем искать золото внутри страны, когда его можно выменять? Небольшое количество шелка, чая и фарфора могло принести горы драгоценных камней и металлов. Разумеется, для этого требовался мощный флот, способный защитить торговые пути от пиратов.

Но создание флота — дело долгое и дорогое. Тогда Юаньцзин достал еще один козырь: технологию производства прозрачного стекла — того, что в это время называли «бесцветным люли». Вместе с рецептом мыла он передал эти чертежи Му Чэнъаню, посоветовав строить мастерские тайно, не привлекая Министерство работ.

Вскоре в загородных мастерских князя получили первые образцы. Прозрачные кубки и вазы сверкали на солнце, не уступая горному хрусталу. Было ясно: как только этот товар попадет на рынок, чиновники и богатые купцы выстроятся в очередь.

План Юаньцзина был безупречен. Сначала — дорогие предметы роскоши, чтобы собрать «сливки». Второй этап — листовое стекло для окон. Стоило богачам один раз сменить бумажные окна на стеклянные, как казна наполнилась бы серебром. А если покрыть одну

сторону амальгамой, получатся зеркала, способные отражать малейшие детали. Му Чэнъань не мог сдерживать улыбки: его сокровище принесло ему целое состояние.

Но и это было не всё. Юаньцзин объяснил, как использовать линзы для создания подзорных труб. Как только Му Чэнъань — воин до мозга костей — понял, какое преимущество это даст на поле боя, его глаза загорелись азартом.

Пока Юаньцзин пропадал в мастерских Кунбу, в столице открылось несколько лавок с прозрачным стеклом. Оно мгновенно стало пискom моды. Вскоре в знатных домах считалось дурным тоном не иметь хотя бы одной вещицы из «хрустального люли».

Некоторые завистники пытались прибрать прибыльное дело к рукам, но стоило им узнать, что за лавками стоит сам принц-регент, как их пыл мгновенно угасал. А когда Му Чэнъань объявил, что половина прибыли будет идти прямым ходом в государственную казну, замолчали даже самые ярые поборники традиций. Особенно радовалось Министерство доходов — у них наконец-то появились деньги на государственные нужды.

Мода на стекло быстро разлетелась за пределы столицы. Богатые торговцы солью из Цзяннани, желая выслужиться перед регентом, скупали товары втридорога.

Когда Юаньцзин наконец завершил очередной этап работ и вернулся домой, он обнаружил, что во всех комнатах бумажные окна заменены на стеклянные. В доме стало намного светлее и уютнее, а на полках красовались изящные стеклянные вазы.

Семья встретила его с волнением. Тао Даюн и бабушка сразу обступили его:

— Юаньцзин, к нам пришли мастера из Кунбу и всё заменили. Сказали, что ты в курсе. Это ведь не принесет нам бед?

Они боялись такой роскоши — в ту пору в столице даже у более знатных и высокопоставленных семейств их еще не было. Семья Тао старалась не хвастать и велела Тао Юаньцзэ помалкивать.

Юаньцзин рассмеялся:

— Совсем замотался и забыл предупредить. На самом деле, это я придумал, как делать такое стекло. Я передал рецепт принцу-регенту с условием, что десятая часть прибыли будет принадлежать нашей семье.

С такими доходами он скоро сможет купить ту самую усадьбу по соседству с князем.

— Неужто правда? Твой рецепт? — Семья была поражена. Они видели, какой ажиотаж творится в городе. Бабушка и А Лань на приемах скромно молчали, пока другие хвастались своими покупками, а у них, оказывается, весь дом был полон этого сокровища.

— Так что не волнуйтесь. Бабушке теперь будет гораздо удобнее: в комнатах светло, глазам легче.

— И то правда! — обрадовалась старая госпожа. — Я теперь сама могу нитку в иголку вдеть, и матушка твоя не нужна!

— Но эти деньги... — Даюн всё еще сомневался. Окна и посуда в их доме стоили не одну сотню, а то и тысячу лянов. Как можно брать еще больше у самого принца-регента? Образ Му Чэньаня, подавляющего мятеж в ту страшную ночь, навсегда вселил в Даюна трепет.

— Папа, раз князь дает — надо брать. Накопим денег и купим дом побольше, ведь наша семья скоро станет еще многочисленнее.

— Верно, верно! — бабушка просияла. Она мечтала о внуках. И пусть от старшего их ждать не приходилось, у неё оставался младший. Её взгляд на Юаньцзэ стал настолько ласковым и многообещающим, что мальчик невольно захотел сбежать — он нутром чуял, что за этой нежностью скрывается нечто пугающее.

Прибыль от продажи стекла была колоссальной. Доля Юаньцзина росла с каждым месяцем, хотя Му Чэньань и считал, что платит мало — ведь всё это дело было заслугой юноши.

Получив первые крупные деньги, Юаньцзин решил заняться семейными делами. Бабушка и отец часто вспоминали родную деревню Таоцзя. Когда он предложил купить там «поминальные поля», никто не возражал. Это был их корень, и забывать его, достигнув успеха, считалось позором.

Даюн и бабушка также переживали за старшего сына, Тао Дачжу. Время сгладило старые обиды. Прodelки Тао Юйчжу были отвратительны, а нрав госпожи Ван неприятен, но Дачжу оставался родной кровью. Узнав, что брат живет не слишком богато, Даюн решил, что пора навестить родину.

Негоже им почивать на лаврах в столице, пока старший брат гнет спину в поле. Хоть жизнь Дачжу и стала лучше благодаря помощи племянника, до столичного блеска ей было далеко.

Семья посоветовалась, и А Лань горячо поддержала идею — она и сама хотела помочь своим родным. В итоге Даюн собрался в путь, чтобы уладить все дела в деревне. Юаньцзин велел У И отправить с отцом двоих охранников для безопасности.

Весть о том, что Юаньцзин стал важным чиновником в столице, давно долетела до деревни Таоцзя. Жители теперь ходили с гордо поднятой головой, а благодаря выращиванию лекарственных трав деревня процветала.

Лишь госпожа Ван была недовольна. Судьбу двух её дочерей она решать не могла, во всем

приходилось подчиняться главе клана и мужу. Узнав о возвышении племянника, она хотела было уговорить Дачжу переехать в столицу — ведь там слуги, золото и почет!

Но Тао Дачжу оказался твердолоб. Он не хотел быть обузой для брата и племянника. Ему хватало того, что было: дом полная чаша, младший сын учится в школе... О чем еще мечтать человеку, который раньше и лепешки досыта не видел?

Госпожа Ван же грезила о жизни «благородной госпожи». Она завидовала А Лань — почему та стала «женой чиновника», а она должна месить грязь? Она была уверена: приедь она в столицу, А Лань просто обязана будет отдать ей половину своих нарядов и украшений.

Но её мечты разбивались о твердость мужа. У неё не было смелости Юйчжу, чтобы сбежать, и она боялась, что, попробуй она сотворить нечто подобное, Дачжу просто переломает ей ноги.

<http://bllate.org/book/15835/1504660>